

КЕРАМИКА — РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

Сергей И. Орлов

Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, Москва, Россия,
orlovsi@rah. ru; sorlov2010@mail. ru

Аннотация. Статья посвящена актуальным явлениям в современной отечественной керамике. Рассматривается масштабная тематическая выставка, проходившая летом 2020 года в Московском доме художника на Кузнецком мосту под слоганом «Человечность», анализируется концепция выставки и творчество художников-керамистов, участвовавших в этом проекте.

Ключевые слова. декоративно-прикладное искусство, искусство начала XXI века, керамика, жанры, технологии, мотивы, автопортрет

Для цитирования: Орлов С.И. Керамика — расширение границ // Academia. 2020. № 4. С. 4513 — 524.
DOI:10.37953-2079-0341-2020-4-1-513-524

CERAMICS — PUSHING BOUNDARIES

Sergey I. Orlov

Research Institute of Theory and History of Fine Arts,
Russian Academy of Arts, Moscow, Russia,
orlovsi@rah. ru

Abstract: The article is devoted to common phenomena in modern Russian ceramics. A large-scale thematic exhibition that took place in the summer of 2020 at the Moscow House of Artists on Kuznetsky most under the slogan “Humanity/Eternity” is being considered. The concept of exhibition and work of the ceramic artists participating in this project are analyzed.

Keywords: Art and crafts, art of the 21st century, ceramics, genres, technologies, motives, self-portret

For citation: Orlov, S. I. (2020), “Ceramics — pushing boundaries” // Academia, 2020, no 4. pp. 513 — 524. DOI:10.37953-2079-0341-2020-4-1-513-524

ЧелоВечность – волшебное слово, связующее два мира.
 Чело – лицо, лик, личность, личина; человек созидающий и создающий.
 Вечность – гигантский, неизмеримый и непознаваемый мир.
 Сплетение пространства и времени, иллюзий и видимостей,
 невероятных космологических моделей. Мы в него погружены
 и защищены.
 Но вместе с этим каждый человек – хрупкая вселенная,
 глубоким эхом сопряженная с неизмеримым миром.
 Человек и Вечность – как два зеркала, отражаются друг в друге.
 В каждом человеке свой неповторимый Космос.
 И именно искусство связует два мира, зримо, ассоциативно
 и глубоко отражает связь человека, природы и Вселенной.

В августе 2020 года в Московском доме художника на Кузнецком мосту, 11 состоялась выставка керамики под слоганом «ЧелоВечность». Название задало высокую планку. Выставка стала знаковой и самой масштабной за последнее десятилетие, объединив художников из разных регионов страны. Красота выставки проявилась в соединении различных жанров – от камерной скульптуры, живописных и графических произведений до предметных инсталляций и скульптурных ансамблей.

Участники проекта: Любовь Савельева, Александра Створа, Наталия Бодрикова, Галина Корзина, Валентина Кузнецова, Людмила Богуславская, Мария Степанова-Ланская, Екатерина Базлова, Инесса Помелова, Анна Филиппова, Маргарита Камардина, Нина Замахина, Афина Попандопуло, Мария Комыса, Ольга Хан, Екатерина Щebetова, Елена Постникова, Александр Цигаль, Дмитрий Тугаринов, Валерий Малолетков, Павел Миллер, Александр Ситник, Виктор Земцов, Максим Глухов, Алексей Илларионов, Константин Александров, Михаил Капустин и другие авторы.

Керамика – праздничная сфера, и, как всякий праздник, обладает магической силой. Властно притягивает другие формы художественного творчества – живопись, скульптуру, дизайн, сценографию, монументальное искусство.

Керамика — искусство расширения границ. Это — бесконечное множество форм, орнаментов, ритмов, сюжетов и образов... Ее приоритет как искусства заключается в том, что объемная, предметная форма может быть дополнена живописными и графическими изображениями орнаментов, пейзажей, архитектурных мотивов, сюжетных сцен. Многоаспектная сфера современной керамики — скульптурный и живописный портрет.

Экспозицию пронизывает пламенный вектор притяжения и противодействия Человека и Космоса. Пред нами лики святых и пророков, лица людей, лики-маски, лики-гротески загадочных персонажей и «пробелы лиц» невидимых существ.

Лицо, Чело — главный вектор выставки. Это многократно отражено в экспозиции. Над сценой в центральном зале, взмывая, словно волшебное облако, разместилась многоликая инсталляция — исполненные в керамике автопортреты всех участников проекта.

Зададимся вопросом, как же художник себя видит, как представляет в материале? Решения разные — от стилистики камерных графических портретов Ренессанса до лубка и даже фэнтези в форме рельефных композиций и живописных пластов.

Анна Филиппова представила себя персонажем народных лубочных картинок: она беседует с зайцем — одним из самых популярных героев народных сказок и притч.

Автопортрет «Ночной полет» Валерия Кузнецова — это экспрессивная гротескная маска в стремительном пространстве, где-то на перекрестье дня и ночи, там, где атаки, угрозы, противостояние и освобождение...

Мария Потапова эффектно представила себя в карнавальном облике царицы пчел.

Сергей Шихачевский — в образе античного художника, скульптора, ваяющего магическое изображение — оживающую белую птицу.

Оригинален «КиноПортрет» Елены Скворцовой в шамоте и фаянсе. Стремительно скользит кинолента, запечатлевая лицо лишь фрагментарно, словно отдельными кадрами, и только «прямой взгляд» способен остановить механику скольжения.

Зрительный эффект центральной инсталляции — камерные автопортреты — умножает монументальное слово «ВЕЧНОСТЬ». Более чем метровые буквы, выстроенные предметным архитектурным строем на сцене центрального зала, доминируют в пространстве, образуя нечто сродни классической аркаде, уходящей к дальнему горизонту, подчеркивая глубокое философское содержание этого слова. СЛОВО обладает пространственной энергетикой. Оно предметно и ускользаемо, конструктивно и иллюзорно, приближается монументальным масштабом и уходит в перспективу. Шрифтовые скульптурные объекты и текстовые инсталляции — один из распространенных приемов в современной экспозиционной выставочной и музейной практике. Здесь он использован сдержанно и лаконично.

Для всех скульптурных композиций, расположенных вблизи, слово «ВЕЧНОСТЬ» становится единым вектором, общим текстовым фоном. Отражение, пространственный рефрен облака автопортретов — поле керамики в центральном (первом) зале.

Воинство фрагментов высокой звучной нотой разворачивается в инсталляции Александры Створа «Сны в лоскутном одеяле» (техника росписи по керамической форме). Мы видим целую коллекцию, состоящую из фрагментов орнаментов: ряды, шеренги прямоугольных керамических плашек, и на каждой — свой оригинальный, нигде больше не повторяющийся орнамент, который длится в пространстве, выпрямляя его кривизну.

Иной вариант прочтения угадывается в композиции Ольги Хан, где четыре персонажа представляют разные грани расширения: «Разрушение преград», «Расширение сознания», «Смещение акцентов» и «Уничтожение стереотипов» (все выполнены в шамоте). Условные персонажи некой новой эвритмики образуют подобие лексикона воображаемых действий и интеллектуальных усилий, направленных на расширение жизненных возможностей.

Два примера такого жизненного расширения предлагает зрителю Мария Комыса. Одно из них — «Окно» (шамот, ангобы) — на мольберте, вместо холста — сквозная оконная рама. Для художника — лист, холст, полотно — это открытое окно в мир. Однако за этим окном — рукотворный пейзаж, вырезанные из картона облака и длинная без листьев ветка. Это окно во внешний мир, но также и окно в мир внутренний, мир художника.

Victoria Amazonica (шамот, глазурь) — это изображение самой большой кувшинки Амазонии (Бразилия, Боливия, Гайяна). Феномен этого растения заключается в том, что когда она ненасытно расширяется, образуя целые плавучие острова, в структуре ее листа, как в реестре, фиксируются все климатические изменения. Ученым-климатологам, наряду с художниками, есть повод задуматься над их расшифровкой.

В целом можно отметить, что экспозиция соответствует детально разработанной концепции, которую создали авторы и исполнители проекта (кураторская группа): куратор — Наталия Бодрикова, координатор — Александра Створа, художественная концепция, автор текстов — Вера Лагутенкова, архитектура и дизайн экспозиции — Глеб Визель, Антонио Вильчес-Ногерол, графический дизайн — Иван Зубов.

В каждом из трех залов свой ландшафт, но вместе с тем это три перетекающих друг в друга пространства. Первый, центральный зал — СЕ ЧЕЛОВЕК. Согласно общему замыслу, здесь сконцентрированы образы разумного гармоничного мироустройства: темы хода времени, человеческого возраста — детства, юности, зрелости; парадоксов истории; безусловно — любви; мотивы изобилия и райского сада. Многочастные хрупкие композиции наподобие островов расположены на низких белоснежных подиумах.

Тема второго зала — МЕТАМОРФОЗЫ. Для него основными мотивами стали постоянство памяти; перемены и перемещение во времени; чудеса и прозрения; сны и иллюзии как неотъемлемая часть реальности. В этом зале собраны те произведения, для которых характерно контрастное пересечение сюжетов, образов, идей. Дизайн пространства поддерживают белые стены в форме сквозных архитектурных аркад — арок сновидений.

Третий зал — ВЕЧНОСТЬ. Здесь представлены Время, Вера, Космос, Архетипы и Фетиши. В пространство зала вступают обтянутые темной материей объемные конструкции — черные горы, черные айсберги, декорации марсианских ландшафтов.

Джон Толкин (1892–1973) — магистр жанра Высокого Фэнтези — творил миры, в которых действует свой особый язык. Он конструировал новые языки сюжетов, текстов и персонажей. У художника иной, но столь же необходимый авторский лексикон сюжетов, персонажей, художественных приемов.

Керамику охватывают центристремительные силы вечных тем: изгнание из рая и Вавилонская башня, всевластие рока и свободное дыхание, волшебные зеркала, приближающие лица и события, Всемирный потоп и эволюция жизни после мировой

катастрофы, ангелы, покровительствующие страждущим, рождение ликов и образов в таинственных глубинах материи.

В истории искусства есть не прерываемые архетипы — человек-дерево, человек-башня, человек-птица, гребцы, возничий, всадник, человек молящийся и вопрошающий, человек, катящий камень, человек падающий и встающий и множество других. Есть архетипы разных уровней знаковости (сжатости), но именно изобразительное искусство значительно расширяет образную, зрительную силу архетипа, наполняет его энергией переживания, многозвучием ассоциаций, аналогий, смыслов и подтекстов.

Излюбленная сценография Людмилы Богуславской — утопические, футуристические объекты, парад кубизированных «агитскульптур». Любимые материалы — шамот, картон, металл. В шамоте она имитирует фактуры камня, металла, картона. Карнавальная серия «Свалка» (шамот, картон, 2014) — артистическое собрание артобъектов, макетов воображаемых механизмов с трубами, колесами, коробками, наклейками, скрипом, скрежетом и трубными голосами. Ретромеханизмы — одушевленные персонажи неудавшихся изобретательских экспериментов. Несомненно, придет и их время.

От арт-механизмов — к арт-конструкциям. Новый проект Богуславской — «Вавилонская башня» (керамика, металл, 2018). Новая башня — также одушевленный персонаж, танцующая архитектура, сооружение из каменных блоков (имитация). Однако камни невесомы и надежно скреплены металлическими скобами. У башни нет фундамента, она вознесена на высоком вертикальном металлическом древке. Она парит в воздухе! Конечно, ее родословная ведет начало от знаменитого проекта летающего города, разработанного в 1928 году Георгием Крутиковым — Жюлем Верном воздушной архитектуры. Это его дипломный проект во ВХУТЕМАСе — летающие жилые комплексы в виде ступенчатых домов-коммун, соединенных «общественными кольцами».

Еще более радикален проект Виктора Калмыкова: кольцо, огибающее всю Землю над экватором, с несколькими ярусами построек и взлетными полосами. Между двумя мирами — двунаправленное зеркало, избирающее и приближающее лица мифологических героев, взгляды и лики святых, лики Космоса.

На керамическом диске Константина Александрова «Праздник в космосе» (2018) — Всевидящее око с глубоким, таинственным внутренним пространством. Вокруг глаза, по обводу нижнего века — красочное многолюдье, собрание обитателей живых планет. По верхнему веку — лабиринты космических МегаПолисов.

На другом диске Александрова — «Планета» (2018) — поверхность голубой планеты заполнена жизнью причудливых геометрических существ, напоминающих персонажей Жоана Миро. Миро, как и другие мастера XX века, утвердил приоритет авторского художественного персонажа, в котором соединяются антропоморфные, органические, предметные и архитектурные элементы. Космос проходит стадии эволюции, трансформируется; человек борется, выживает и концентрирует силы для созидания.

Драмы XXI века запечатлел Павел Миллер в композиции «Против течения» (шамот, 2018). Это ансамбль из нескольких скульптур, пространственная инсталляция. В основании — зеркальное полотно, имитирующее холодный блеск и черную тень водного потока. Персонажей захватывает водный ураган; четыре фигуры, задыхаясь, борются со стихией. Слышен рокот потока, прерывистое дыхание в секунды, минуты предельного напряжения.

Тучные годы не миновали, но пересеклись с ландшафтом непредвиденных катастроф. Возникли новые гротескные персонажи. Вновь стала актуальной необходимость создавать весь личный предметный реквизит своими руками. В композиции Виктора Земцова «В лодке» (шамот, 2012) гребцы плывут на самодельном плавучем средстве, похожем на корзинку. На ней опасно удаляться от берега. У гребцов суровые удлиненные лики-маски и кольцевые «скафандровые» воротники. Они встречаются с суровой морской стихией.

У Земцова свой лексикон мифических существ. «Личина единорога» (шамот, эмаль, 2014) — карнавальный персонаж, грустный созерцатель, хранитель тайн своей великой родословной. «Золотой петушок» (шамот, 2012) изменил свой сказочный облик: он принял блеск холодного металла и голову дракона, а его крыло кажется оружием из трех скрепленных сабель. Петушок преобразился в объект, в сейф-арсенал, но собранное в нем оружие запрещено к использованию.

Два приземистых человека несут над головами большой камень с таинственными письменами (Юрий Малыгин, «Несущие камень», шамот, 2019). Быть может, это закладной камень нового поселения?

Многие представленные на выставке работы минуют границы видов и жанров, переходят в сферу изобразительной философии и авторского фольклора.

Вот Елена Гамбарян и ее композиция «Смотри! Млечный путь...» (шамот, 2020): действительно, таким проникновенным, зачарованным взглядом можно созерцать только звезды... Но как достичь и как ступить на этот великий путь?

Композиция Дмитрия Тугаринова «Похвала Глупости» (керамика, дерево, 2007) исполнена в двух вариантах. Мы видим необъятную белотелую Богиню-гору в шутовском колпаке и с напояженными губами. Богиня, похожая на многослойный торт, явилась из тех благодатных времен, когда повсюду бурлили молочные реки, гуляли тучные стада, а из-под земли вырастали сырные горы и сахарные головы. Богиня явилась из древних сказаний, средневековых карнавалов, и народ, в предчувствии грядущих катастроф, возрадовался, бросился к спасительному источнику богатства, изобилия и процветания. Тугаринов запечатлел тот момент, когда масса жаждущих чуда и обогащения людей устремилась к великому фетишу. Природа в гротескном облике «Похвалы Глупости» оказалась в осаде.

Другой фетиш – композиция Валерия Малолеткова «COVID-ОДИНОЧЕСТВО-19» (фаянс, роспись, 2019). Здесь на высоком пьедестале в форме арочной башни возвышается фантом, фигура женщины с невидимым лицом – аллегория чумы, опустошившей в XIV веке (1346–1353) города Европы. У подножия башни толпа людей – итальянцы эпохи Ренессанса. Они обращают к престолу фантома мольбу об избавлении от чумы, опустошения и одиночества. В композиции ощущается значимость, глубина, торжественность воображаемого события. Художник сочетает объемную форму с очерченностью множества деталей и графикой, концентрирующей лица, характеры, переживания героев.

Вероятно, в ассоциативной, глубокой памяти каждого человека есть образы, коды давно минувших событий истории. Воображение дает возможность «пробудить» дальнюю память, воссоздать, представить события, свидетелем которых ты не был.

В живописных керамических панно Марии Степановой-Ланской из таинственных глубин временных слоев проступают очертания, фрески дальних легендарных событий. В композиции «Советник» (шамот, эмали, 2018) лик персонажа воссоздан как воспоминание, как приближенный фрагмент фрески. Вероятно, это толкователь снов, первый советник фараона, обладавший даром предвидения и спасший народ в темные года бед, засухи, неурожая. Он помог людям пережить это трудное время.

Алексей Илларионов избрал в качестве формы своей скульптуры прозрачное кольцо. Утонченная графичность, проницаемость — все ассоциируется с двунаправленной линзой, дающей возможность высвечивать, приближать события и лица. «Зеркальные картины» Илларионова «Ангел над городом», «Девушка с клубникой» и «Похищение Европы» (все шамот, 2020) позволяют зрителю одновременно пребывать и в действенном, реальном пространстве, и в мире мифов. Сама легендарная Европа становится хранительницей Зазеркалья, принимает волшебные облики.

Лик зеркала — и взоры окон: Александра Створа создала серию «Хранители домашнего очага» (шамот, глазурь, стекло, 2017). Глубоки и таинственны окна деревенских домов в зимнюю морозную пору. В них проступают лики хранителей домашнего очага — внимательные и печальные. Это души и судьбы домов, ведь дом — одушевленное существо.

Зазеркалье открывает еще одну сферу — архаические монументальные головы обожествленных наблюдателей, покровителей, мистических вождей, чей статус определен планетарным временем. В скульптуре XX века этот архетип был воспринят и гротескно трансформирован. На выставке представлены две монументальные головы, созданные Михаилом Капустиным: «Нирвана» (шамот, 2016) и «Триумф императора в августе» (шамот, 2013).

В экспозицию вплавлены зрительные акценты, смысловые узлы, порталы, выявляющие главные пластические идеи проекта. Таков портал «ВЕЧНОСТЬ» в третьем зале выставки. На фоне темного занавеса-баннера — две белые вертикальные скульптуры: «Власть пространства» (белая глина, эмаль, 1998) Александра Ситника и «Наш хрупкий мир» (фаянс, 2020) Александры Створы. Ангел легко поддерживает в руках хрупкую стеклянную сферу. Вечность, как белый цвет, — начало всех начал. Две скульптуры — метафора равнозначности мира человека и Космоса.

Другой портал — «ЧЕРНЫЕ ДОСКИ». В центре камерного ансамбля скульптура Екатерины Ермиловой «Поклонный крест» (шамот, 2020). Верхнюю грань замыкает рельеф Анны Филипповой «Агнцы» (керамика, дерево, 2017). Справа и слева — двойная композиция Анны Филипповой «Черные доски» (керамика, дерево, 2017). Два симметричных артобъекта исполнены как мемориал в память о тысячах погибших, уничтоженных, проданных икон. Артобъекты воссоздают схему житийных икон с клеймами. Но в клеймах нет изображений, а в центре, где должен быть образ святого, — лишь темный силуэт. Это лик, образ, символическая персонификация самой иконы как сакрального предмета.

В рельефной картине Елены Постниковой «Благовещение» (шамот, 2018) в планетарном пространстве встречаются два сакральных объекта — две иконы с изображением Архангела и Марии.

Зрительными акцентами в экспозиции выделяются большие и малые декоративные многофигурные композиции (острова).

Маргарита Камардина — автор трехфигурной скульптуры «Река времени. Детство, юность, старость» (шамот, 2019). Возраст определяется не годами, но эмоциональным настроением, мироощущением человека. Каждый окружен плотной сетью цветных колец. Чем мажорнее цветовая гамма колец, тем полнее мировосприятие.

Нет ничего увлекательнее и важнее, чем игры детей — дома и на детских площадках, где смех, и гам, и непрерывное движение. Елена Мизгирева просто, ясно и задорно показывает, кто на самокате летит «Быстрее ветра», кто гонит кошку «Кыш», а кто ловчее всех играет в «Классики» (все три скульптуры — шамот, металл, 2015).

Соединение маскарада, сказки и сценической игры — в композиции Николая Бекетова «FOREST FAMILY» (шамот, 2018–20). Представители лесной семьи так сроднились с природой, с лесным ландшафтом, что и сами стали похожи на лесных великанов. Это персонажи с тройной родословной — одновременно люди, дома и деревья.

Композиции Галины Корзиной — метафоры единства природы и человека. Прозрачность воздуха, пронизанного светом, бег облаков, зеркальность озер, игра бегущих отражений — привольный образ северной природы и открытого пространства воссоздан ею в серии скульптурных и живописных композиций «Странствующие облака» (фаянс, соли, 2014). В них легко и плавно соединяются объем и графический рисунок; лодки под белыми парусами скользят по водной глади на фоне башен и белых стен монастырей.

Вселенная Корзиной — созвучие ритмов. Она по-новому увидела классическую тему «Три грации» (фаянс, соли, 2005): три стройные высокие амфоры с изображением фигур, а между ними, как невидимая струна, прочерчен ритм. Подобно эху и отражению луча, ритм, столь же универсальный, как круг, овал или спираль, продляется, передается по кругу от одной фигуры к другой.

Как выразить слово ДАР? Даром неба было Благовещение и Вифлеемская звезда, указавшая путь волхвам, которые принесли свои искренние дары. Образы дара, благой вести, радостного события, светлого мировосприятия, открытости встречи неизменно выражены в скульптурных композициях Валентины Кузнецовой. Она вновь и вновь обращается к библейским событиям и образам: встреча Марии с Елизаветой, Благовещение, Поклонение волхвов, Сретение, Богоматерь Благоуханный Цвет, Вход Господень в Иерусалим — все это праздничные моменты библейской истории. Многофигурные скульптурные композиции Кузнецовой выигрывают в природной среде: в благоухающем саду, среди деревьев, цветов и декоративных трав.

В центре воображаемого сада — скульптура «Богоматерь Благоуханный Цвет» (2010). Кузнецова изобразила Марию и Христа, увенчанных золотыми коронами. В правой руке Марии красная роза, а левой она поддерживает младенца Христа. Автор обратилась к иконографии «Благоуханный Цвет», которая, как полагают исследователи, родилась в XVII веке на Афоне и восходит к песнопениям, посвященными Богоматери.

Иконы XVII–XVIII веков «Благоуханный Цвет» и «Неувядаемый Цвет» чрезвычайно разнообразны по композиции, праздничны, нарядны, декоративны. Фигуры Марии и Христа предстают в ореоле ярких цветочных гирлянд, сказочных флоральных сплетений. На иконах изображаются символические цветы Девы Марии — царственная роза и лилия.

Люди просят у святых заступничества. В композиции Любови Савельевой «Спаси и Сохрани» (фаянс, роспись, 1999) монументальный ангел дает укрытие семье страждущих, а воинственный «Архангел Михаил» (фаянс, роспись, 1999) сохраняет меч защиты и шар-сферу, символизирующий единство державы.

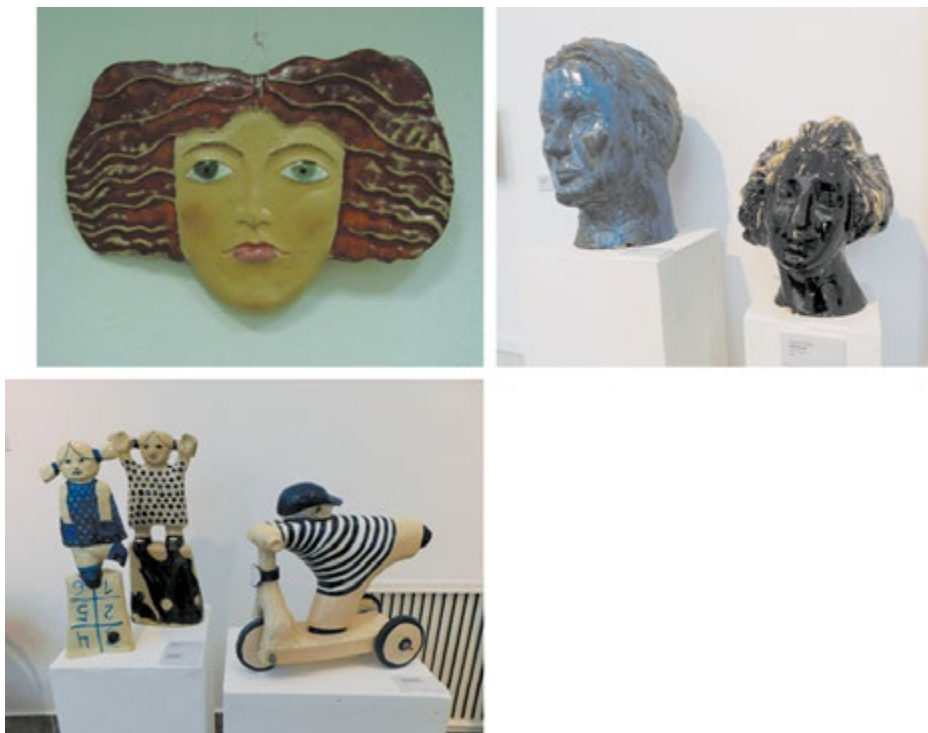
Хранитель не один, их много. Елизавета Червякова объединила в единую композицию проникновенные лики нескольких воображаемых Хранителей (шамот, 2019). Ее инсталляция, как космический радар, собирает, концентрирует защитную силу.

Замечательное открытие Любови Савельевой – двойные портреты. Плоская керамическая форма передает силуэт фигуры (голова и плечи). Форма двусторонняя – имеет два лица. Здесь время сжимается, концентрируется; пересекаются характеры, возрасты, судьбы. «Дед с внуком» (двойной портрет, фаянс, 2014): с одной стороны – лицо благонаправленного деда с окладистой бородой, сердечный жест руки; с другой – мечтательный, жизнерадостный и задумчивый внук. Зрачки глаз, сквозные, со стеклянными линзами, принадлежат обоим персонажам. Когда в линзы попадает свет или затененный объект фона, глаза оживают и зажигаются мыслью.

Необычен двойной портрет «Шахматист» (фаянс, 2013). Перед нами уверенный в себе, энергичный человек, спортсмен в клетчатой шахматной майке, но его второй облик совсем иной – неуловимый, воздушный, вездесущий Большой Каспер с глазками-бусинами.

Один из сюжетов компьютерной графики Савельевой – «Метаморфозы яблока» (2006). В одном листе внутри очертаний яблока – ночной город, небо, луна и звезды; в другом – клетчатый шахматный пол, арка и проход в иное, ментальное пространство.

Сфера шахматных метафор продолжена в композиции Анны Свириденко «Лужин – шахматист, герой романа Набокова» (шамот, 2017). Подобно Икару, Лужин упал с высоты на шахматный пол и так победно закончил жизненную партию. Для героя Набокова мир шахматной игры более реален, понятен, обширен и комфортен, чем окружающая его жизнь. Но и там он встретил достойного и непримиримого соперника. Лужин мог выжить в этом мире только до тех пор, пока защитой ему служили выигранные шахматные партии.

Трансформация материи, метафоры объекта, преображения персонажа — в искусстве керамики энергия претворения вездесуща и всеильна.

Наталья Бодрикова создала серию женских портретов «Лица» (шамот, 2017). Задумчивые, созерцательные, контурно очерченные лица кажутся большими «интерьерными камнями». Другая серия Бодриковой, «Дар времени» (шамот, 2020), предлагает вниманию зрителя темные, испытующие и погруженные в глубокий сон лики. Кажется, они выступают из стволов вековых деревьев, из складок скал, из сумрака ночи. Исполинские лики ассоциируются с временами, когда люди одушевляли природу, стремясь проявить, запечатлеть ее скрытые черты.

Для многих мастеров автопортрет был сокровенным, исповедальным началом творчества. Фрида Кало создала настоящую Вселенную автопортретов. В них запечатлена великая и трагическая судьба, страсть и печаль, боль расколотого тела и целительная сила земли. Вдохновившись творчеством Кало, Екатерина Щebetова запечатлела проникновенный образ мексиканской художницы («Фрида», шамот, 2012). В руке Фриды — огромный букет алых роз. Быть может, одним из прообразов послужила картина Кало «Автопортрет “Рама”» (ок. 1938), которая в 1939 годуполнила коллекцию Лувра. Фрида изобразила себя в праздничном ярком обрамлении из красных маков и двух волшебных птиц.

Неудержимая экспрессия пронизывает автопортреты Винсента Ван Гога. Каждый из них — новая грань в череде его множественных жизней. Инесса Помелова в несколько ироничном, лубочном стиле запечатлела три облика художника («Три жизни Ван Гога», шамот, роспись, 2017). Первый Ван Гог со свечами на полях широкополой шляпы — живописец ночи, паломник, вторгшийся в стихию ночного неба. Второй — восставший против фантомов, воронов, множащихся темных предзнаменований. Третий Ван Гог — с букетом столь любимых им подсолнухов: знак причастности к вечной светозарной природе, обретение уверенности.

Помелова стремится передать многогранный эмоциональный мир творческой личности. В композиции «Марина Цветаева в Тарусе» (шамот, роспись, 2019) пределы скульптурной формы расширяет графически исполненный пейзаж Тарусы — широкая излучина Оки, панорамный вид с высокого берега. Вся жизнь Марины с детских лет была связана с Тарусой. Для нее это источник радости, света, вдохновения — благодатная

страна, где «К Богу идут облака; // Лентой холмы огибая, // Тихая и голубая // Плещет Ока».

Диапазон авторских решений в современной керамике охватывает широкую сферу от искусства архаики до открытий мастеров XX столетия, от сюжетных и фигуративных композиций до геометрических арт-объектов и пространственных инсталляций. По масштабу творческих задач современное декоративное искусство, в том числе керамика, равнозначно станковому и монументальному. В декоративном искусстве авторское видение и восприятие мира в значительной мере выражается именно в работе с материалом, в использовании оригинальных художественных и технических приемов.

Новые технологии захватывают художественный процесс, в первую очередь декоративное искусство. Художник имеет возможность выбора – разработки именно той технологии, которая позволяет наиболее убедительно выразить его замыслы.

Современное декоративное искусство (керамика, стекло, гобелен, батик, художественная эмаль) – сфера многоаспектного синтеза, художественных метафор, ярких образных решений. Это область высокого профессионального мастерства. Во всех его видах и жанрах ярко проявляется творческое начало, оригинальность, узнаваемость авторского метода. Керамика открывает свои лексиконы форм, метафор, персонажей.

Экспозиции декоративного искусства последних лет, такие как Пятая выставка РОО МСХ «Московская керамика» (2017), «Декоративное искусство. Стекло. Керамика. Текстиль. Гобелен. Металл. Куклы» (2018), «Форма в пространстве» (2019) и, в полной мере, проект «ЧелоВечность» (2020), свидетельствуют о том, что все жанры декоративного искусства пронизывает активный творческий поиск, а в каждом произведении рельефно прочерчивается художественное кредо автора.

Информация об авторе:

Сергей И. Орлов, Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств; 119034, Россия, Москва, ул. Пречистенка 21; orlovsi@rah.ru

Author Info:

Sergey I. Orlov, Research Institute of Theory and History of Fine Arts, Russian Academy of Arts; 21 Prechistenka St, Moscow, Russia, 119034; orlovsi@rah.ru